

Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации

Несмотря на то, что деятельность местной полиции в оккупированных Германией странах Европы является предметом изучения уже давно, ее роль в нацистской системе террора в Восточной Европе и бывшем СССР вызывает горячие дискуссии. В данной статье рассматривается роль украинской полиции в нацистском геноциде евреев в генеральном округе Киев. Автор показывает, что украинская полиция в этом процессе занимала значимое место, и что, несмотря на различия в мотивах деятельности, большинство полицейских выполняли свои смертоносные функции безоговорочно и эффективно.

Коллаборация местного населения с немецкими оккупантами является одной из наиболее спорных проблем Второй мировой войны. Западные учёные начали заниматься изучением этого вопроса практически с середины 1940-х гг. В Восточной Европе и СССР коллаборация долгое время была мощным орудием политической пропаганды, которая использовалась для обвинения Запада в укрывательстве военных преступников и для официальной репрезентации коллаборантов как «буржуазных националистов» и отбросов общества. Распад СССР и рассекречивание архивов позволили исследователям начать более тщательное изучение коллаборации как политического и социального феномена. В результате на Западе появились интересные публикации, освещающие действия различных групп и организаций, особенно таких как местные полицейские органы, сотруд-

ничавших с немецкими оккупационными властями¹. Ряд информативных книг и статей опубликованы и на территории бывшего СССР². Тем не менее, открытая дискуссия на данную тему здесь находится еще в начальной стадии, и исследователи осторожно подбирают слова, особенно когда речь идет об участии местной администрации и полиции в нацистском геноциде евреев.

Какими мотивами руководствовались те, кто поступал на службу в полицию? Выполняли ли они скорее вспомогательные функции — в соответствии со своим официальным статусом? Имели ли их действия в условиях немецкой оккупации решающее значение при осуществлении нацистского геноцида? Данная статья преследует две цели: дать ответ на эти вопросы с помощью анализа роли украинской полиции в уничтожении евреев на территории Киевской и Полтавской областей, которые осенью 1941 года были включены в состав рейхскомиссариата Украина как генеральный округ Киев, а также предложить социально-психологическую классификацию мотивов служащих украинской полиции. Источниковой базой статьи являются немецкие и советские архивные материалы, в особенности судебные-следственные дела бывших полицейских, хранящиеся в архиве Службы безопасности Украины (СБУ) в Киеве или микрофильмы этих дел в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне (USHMM). Используются также следственные дела военнослужащих Вермахта и СС, гражданской администрации, полиции и СД, хранящиеся в архиве Центральной следственной комиссии Германии в Людвигсбурге. Принимая во внимание, что судебные и следственные органы были прежде всего заинтересованы в установлении вины (а в Германии часто и невиновности) обвиняемых, использование следственных материалов в исследовательских целях представляет собой известные трудности. Поэтому автор пытался сверять информацию из следственных дел с другими источниками — как с документами, так и с воспоминаниями очевидцев.

Прежде чем приступить к анализу проблемы, необходимо уточнить термины «украинская полиция» и «коллаборация». В контексте немецкой оккупации название «украинская полиция» имело прежде всего географический, а потом уже этнический смысл. То есть, сформированные на Украине полицейские подразделения в немецкой официальной терминологии именовались «украинскими» точно так же, как подобные формирования в Латвии, Литве или Белоруссии именовались соответственно латышской, литовской и белорусской полицией. Большинство служащих украинской полиции были приняты в нее как этнические украинцы, и поэтому несмотря на то, что в полиции служили представители и других этнических групп (например, фольксдойче, поляки в западных областях,

русские в центральных и восточных и т.д.), мы будем придерживаться термина «украинская полиция» (исключая полицейские силы, сформированные вне Украины, или части, выполнявшие иногда сходные с полицейскими функции — например, казахи или так называемые «восточные»).

Западный термин «коллаборация» традиционно обозначал сотрудничество местных политических групп с оккупантами на основе общности идеологических взглядов — например, французские вишисты и бельгийские рексисты — или при совпадении геополитических целей стран Оси с националистическими устремлениями таких организаций, как хорватские усташи и словацкие глинковцы.³ Среди подобных группировок в СССР можно назвать литовский ЛАФ, Туркестанский национальный комитет или Организацию украинских националистов (ОУН)⁴. Сотрудничество с оккупантами, однако, проявлялась и в других формах, как служба в различных немецких гражданских органах (такая деятельность часто определялась в советской судебной фразеологии как «пособничество»), и наконец, участие в военных и полицейских формированиях под эгидой Германии. В данной статье рассматривается именно последняя, так называемая «прямая» коллаборация, то есть участие представителей местного населения в немецких органах террора и подавления⁵.

* * *

Несколько слов о немецкой политике по отношению к Украине и украинцам. Планируя нападение на СССР, немецкое политическое и военное руководство рассматривало Украину прежде всего как сырьевую базу и резерв дешевой рабочей силы. Тем не менее, с самого начала войны некоторые немецкие военные и политики понимали, что эксплуатация ресурсов огромной территории и контроль над ней невозможен без участия местного населения. Поэтому круги, связанные с рейхсминистром оккупированных территорий Альфредом Розенбергом, а также некоторые военные — участники Первой мировой войны на востоке и оккупации Украины в 1918 г. считали, что умеренной политикой можно привлечь на свою сторону народы и группы, считавшиеся дружественными Германии, такие как эстонцы, латыши, литовцы, украинцы и мусульмане. Соответственно, в начале войны с СССР немецкое военное командование и оккупационная администрация начали привлекать местное население к сотрудничеству. Например, из лагерей для военнопленных освобождались украинцы. При приеме на работу в гражданскую администрацию украинцам, прошедшим необходимую проверку, отдавалось предпочтение перед русскими, и их назначали на должности бургомистров (в частности,

в Киеве), старост и районных шефов. В июле 1941 г. командующий тыла группы армий «Юг» генерал Карл фон Рок приказал брать заложников только из евреев и русских; подобные директивы исходили и от других высших немецких чинов. До поздней осени 1941 г. немцы также терпели некоторые проявления украинского национального движения, такие как вывешивание украинских национальных флагов и появление в некоторых публичных местах надписей «только для украинцев»⁶. В октябре под эгидой ОУН(м) в Киеве была сформирована Украинская национальная рада (УНРада), которая взяла на себя роль представителя украинской нации перед немецкими властями и формулировала постулаты восстановления украинской государственности. УНРада также курировала деятельность украинских культурных, образовательных и спортивных организаций, выпускала брошюры и газеты, а также организовывала помощь украинским военнопленным через украинский Красный Крест. Тем не менее, попытка ОУН(б) в конце июня 1941 г. во Львове провозгласить создание украинской государственности и рост украинского национального движения напугали гитлеровское руководство. Начиная с поздней осени немецкие власти ограничили деятельность УНРады и других украинских организаций, а полиция безопасности начала аресты среди украинских активистов, многие из которых были расстреляны⁷.

Немецкое командование и администрация, однако, продолжали использовать население в местных органах власти и полиции. Вопреки высказываниям Гитлера, что на востоке «только немцы могут носить оружие», уже в июле 1941 г. немецкое военное командование издало приказ о наборе добровольцев во вспомогательную полицию. А 25 июля 1941 г. Гиммлер издал директиву, которая гласила, что в связи с тем, что германских полицейских сил недостаточно для выполнения задач на востоке, необходимо привлечь в органы полиции добровольцев из числа «надёжных» этнических групп — прибалтов, украинцев и белорусов. В ноябре он также разрешил набор в полицию военнопленных, хотя реально он осуществлялся и ранее⁸. После того, как отобранные кандидаты проверялись на благонадёжность полицией безопасности или тайной полевой полицией (ГФП), они направлялись на охрану важных объектов и борьбу с партизанами. Уже летом и осенью 1941 г. было сформировано большое количество полицейских подразделений под разными наименованиями: милиция (*Miliz*), служба порядка (*Ordnungsdienst*), вспомогательная полиция (*Hilfspolizei*), вспомогательные (*Hilfsmannschaften*) и охранные части (*Schutzmannschaften*), которые несли службу по месту жительства. В городах полиция подчинялась немецкой полиции охраны порядка, а в сельской местности немецкой жандармерии. Главнокомандующие СС и полиции имели в под-

чинении целый ряд мобильных частей (*Schutzmannschaftbataillons*), которые отправлялись из мест их формирования в другие районы Украины или регионы оккупированного СССР. В 1942 г. полиция безопасности начала формировать свои собственные вспомогательные подразделения, известные как *Schutzmannschaften der Sicherheitspolizei*, которые охраняли ее тюрьмы и лагеря и принимали участие в её операциях.⁹ Силы местной полиции росли в зависимости от потребностей немецких властей. Так, в октябре 1941 г. 454-я охранная дивизия, под контролем которой находилась территория Овручского, Коростенского и Житомирского районов, имела под своим началом около 6000 украинских полицейских.¹⁰

В сентябре 1941 г. часть Киевской области на западном берегу Днепра (в том числе большая часть нынешней Черкасской области) была включена в состав рейхскомиссариата Украина (РКУ) как генеральный округ Киев. Часть Киевской области на левобережье и вся Полтавская область вошли в зону военной администрации. В сентябре 1942 г. эта территория также стала частью генерального округа Киев в составе РКУ¹¹. Как и в других районах Украины численность вспомогательной полиции в генеральном округе Киев и в зоне военной администрации постоянно увеличивалась. Если в январе 1942 г. полицейские силы составляли около тысячи рейхсдойче, двухсот фольксдойче и 4800 украинцев, то в ноябре того же года они выросли до 1389 немцев и 13 016 украинских полицейских, включая 9464 в сельской местности. В селах одного только Киевского района Киевской области несли службу 4262 украинских полицейских. В апреле 1942 г. украинская полиция в Кобеляцком, Полтавском, Нехворощанском, Диканьском и Кременчугском районах Полтавской области составляла 2312 полицейских, на вооружении которых находилось 1612 винтовок и пистолетов. В июле 1942 г. полицейские силы в Лохвице состояли из одного немецкого офицера, шести жандармов и 53-х украинских полицейских, а в Лубнах — из одного немецкого офицера, трёх жандармов и 691-го полицейского. Таким образом, соотношение немецких и украинских полицейских в генеральном округе Киев достигло уровня одного к десяти¹². Всего же к августу 1942 г. количество служащих в полицейских формированиях в РКУ выросло до ста пятидесяти тысяч, а в январе 1943 г. — до ста семидесяти тысяч, что составляло примерно один процент населения РКУ¹³.

Набор в полицию в основном производился добровольно. При этом достаточное количество молодых мужчин предпочли службу в полиции пребыванию в лагерях для военнопленных или отправке на работу в Германию. Отобранный кандидат принимал присягу на верность Германии в том, что он будет «послушным, храбрым, [будет] добросовестно исполнять

свои обязанности и не жалеть жизни в борьбе с большевизмом (в некоторых текстах с “жидо-большевизмом”)¹⁴. Местная полиция кроме патрульных и охранных задач выполняла различные функции: уголовного и политического розыска, паспортного контроля. Существовали также железнодорожная полиция и пожарная охрана. В зависимости от своих функций полицейские были вооружены дубинками или лёгким стрелковым оружием и стали неотъемлемым атрибутом немецкой оккупации, охраняя банки, административные здания, железные дороги, заводы, мельницы, нефтяные вышки и склады продовольствия. Немецкая полиция безопасности также принимала на службу местных жителей в качестве следователей, переводчиков и секретарей. Кроме этого, полицейские охраняли лагеря для военнопленных и принимали активное участие в розыске коммунистов и подпольщиков и в борьбе с партизанами¹⁵.

Немцы не доверяли местным полицейским, так как многие из них прошли только поверхностную проверку и могли дезертировать или уйти к партизанам после получения оружия. Поэтому, в соответствии с указаниями Гиммлера, немецкое командование предпочитало отправлять сформированные по месту жительства батальоны шццманшафта в другие регионы (например, в Белоруссию). Расовые предрассудки также играли роль: в нацистской расовой иерархии украинцы находились на более низкой ступени, чем прибалтийские полицейские, которые, соответственно, получали более высокую зарплату. Партийное руководство и СС также считали, что длительное пребывание под советской властью «испортило» восточных украинцев. Поэтому первоначально на командные должности в полиции на местах и особенно в батальонах шццманшафта — до командиров рот — назначали более «идеологически надежных» украинцев из Галиции и Буковины, а командирами батальонов были кадровые немецкие полицейские. Удостоверения полицейских подлежали обновлению каждый месяц, а в некоторых местностях полицейские были вооружены только дубинками, в то время как винтовки и ограниченное количество патронов — десять штук — получали только те, кто охранял особо важные объекты¹⁶.

Тем не менее, немецкое руководство неоднократно отмечало усердие вспомогательной полиции в укреплении «нового порядка». 2 ноября 1941 г. 454-я охранная дивизия отмечала в рапорте «безукоризненное сотрудничество» украинской гражданской администрации и полиции с немецкими органами власти. В подобном же тоне отзывалась эйнзатцгруппа С и ГФП, призванные «очистить» оккупированную Украину и тыловые районы группы армий «Юг» от коммунистов, партизан, подпольщиков и евреев. Командование тыла группы армий «Юг» также подчеркивало «исключительную службу» полицейских-охранников лагерей для военно-

пленных¹⁷. В свою очередь, руководитель партизанского движения на Черниговщине Алексей Фёдоров признавал, что без полицейских, которые хорошо знали местные условия, партизанам «... было бы в десять раз легче воевать с немцами»¹⁸.

Особую роль украинская полиция сыграла в «окончательном решении еврейского вопроса» — так в нацистской официальной терминологии именовалось тотальное уничтожение еврейского населения. Архивные документы, особенно регулярные сводки эйнзатцгруппы С, демонстрируют, что в этой сфере деятельность полиции ценилась немцами особенно высоко. Поскольку полицейские хорошо знали местное население, без них немцам бы пришлось действовать вслепую. Поэтому немецкие оккупационные органы и карательные команды уполномочивали именно местные управы и полицию проводить регистрацию, «переселение» евреев в гетто, а также их конвоирование и оцепление места казни. В своих сводках зондеркоманда 4а (которая вместе с зондеркомандой 4б и эйнзатцкомандами 5 и 6 входила в состав эйнзатцгруппы С) неоднократно отмечала «полезную деятельность» полицейских во время расстрелов евреев¹⁹. Если принять во внимание, что весь состав эйнзатцгруппы С насчитывал около шестисот солдат и офицеров и двухсот шоферов, телефонистов, секретарей и поваров, то становится вполне понятным, что без местной полиции немцы не смогли бы за относительно короткий срок провести регистрацию, сбор и конвоирование евреев, а также оцепление мест казни и охоту за укрывающимися²⁰. К тому же, эйнзатцгруппа С не действовала как одно целое, а составлявшие ее зондер- и эйнзатцкоманды для проведения акций уничтожения часто делились на более мелкие подразделения (подкоманды), насчитывающие от десяти до сорока человек²¹. Во время расстрелов, проводимых подразделениями эйнзатцгруппы без участия других немецких карательных подразделений, соотношение украинских полицейских и немцев составляло примерно три-четыре к одному. Так, во время расстрела евреев в Иванкове немецкая карательная команда состояла из десяти-двенадцати, а группа украинской полиции из сорока человек. Во время массового расстрела евреев в Белой Церкви (об этом ниже) подразделение зондеркоманды 4а не превышало более сорока человек, в то время как силы украинской полиции составили не менее ста тридцати человек. Таким образом, роль полиции в системе нацистского террора была, с точки зрения немцев, неоценимой²².

Практически во всех без исключения местностях полиция приняла деятельное участие в массовом уничтожении еврейского населения. Например, в начале августа 1941 г. районная полиция в Тараше собрала несколько сот евреев города, отконвоировала их за город и оцепила место казни,

в то время как солдаты дивизии СС «Викинг» проводили расстрел²³. И немецкие документы, и воспоминания очевидцев указывают на участие местной полиции в массовом расстреле евреев в Бабьем Яру (хотя остается неизвестным, какое именно подразделение было на месте казни)²⁴. В октябре 1941 г. украинская полиция согнала евреев Переяслава на сборный пункт, откуда их отконвоировали за город. Полицейские заставили евреев раздеться, прикладами винтовок загнали их в заранее выкопанные ямы и оцепили место, после чего зондеркоманда 4а расстреляла около пятисот мужчин, женщин и детей. Полицейские также ловили пытавшихся убежать и приводили их обратно на место экзекуции. В конце сентября полиция приняла участие в расстреле ста пятидесяти взрослых евреев и пятидесяти детей в Иванково, а в ноябре в Золотоноше районная полиция во главе с Владимиром Каланчуком помогла зондеркоманде 4а в уничтожении более двух с половиной тысяч человек. В октябре-ноябре 1941 г. подобные функции выполняли кременчугские полицейские во время массовых расстрелов, организованных штабом главнокомандующего СС и полиции юга Украины Фридриха Екельна. Отделения полиции безопасности в Киеве и Умани также использовали полицейских для конвоирования арестованных на места казней и оцепления. В мае или июне 1942 г. во время «акции» в Таращанском районе украинская полиция и 116-й батальон шуцманшафта согнали на сборный пункт около двухсот мужчин, женщин и детей. Начальник районной полиции Алексей Головченко и его заместитель Авсентий Филипченко обратились к своим подчинённым, указав на «особую важность» задания, и распределили обязанности. Полицейские отконвоировали евреев на место казни, заставили их раздеться и загнали в ямы, где они были расстреляны немцами²⁵. Во всех вышеуказанных случаях по завершению «работы» полицейским разрешалось взять себе одежду убитых.

Полицейские выполняли свои функции рьяно и без немецкого надзора. В погоне за вознаграждением за каждого пойманного еврея они охотились на людей повсюду, и если при встрече с немцами беглец еще мог сойти за украинца или русского, то при встрече со «своими» такой шанс сводился к нулю. Семён Айзенштейн, который сбежал из плена в Кременчуге, на дороге был задержан полицейскими, которые немедленно заставили его спустить брюки, установив таким образом его «неарийскую» принадлежность. Хотя Айзенштейну удалось позже бежать, в большинстве случаев такие встречи заканчивались для евреев фатально²⁶. Например, в сентябре 1941 г. первая пехотная бригада СС, оперирующая в районе Хабное-Чернобыль, отмечала в своих рапортах инициативу украинской полиции, которая задерживала евреев и передавала их немецким властям²⁷. Ее усердие демонстрирует книга учета деятельности украинской полиции.

В октябре 1941 г. Макаровская полиция доставила в штаб-квартиру эйнзатцкоманды 5 в Киеве несколько еврейских семей, а в декабре полицейские задержали пятьдесят восемь евреев. В течение 1942 г. фастовская полиция доставила пять евреев в полицию безопасности в Киеве и пятерых расстреляла на месте; троим задержанным удалось бежать. С февраля по сентябрь 1942 г. полиция Владимирского района Киева доставила двух евреев в полицию безопасности, одного в штаб-квартиру украинской полиции на Короленко, 15 и одного в лагерь на Сырце. До августа 1943 г. полицейские этого же района задержали ещё двух человек, «подозреваемых в еврействе». «Честь» васильковской полиции была поставлена на карту, когда в августе 1942 г. весь её состав был задействован в поисках еврея, сбежавшего из тюрьмы.²⁸ Даже во внеслужебное время полицейские проявляли недюжинное рвение в охоте на людей. 11 сентября 1942 г. начальник штаба киевской полиции сотник Анатолий Кабайда выразил официальную благодарность полицейскому Иосифу Киричуку, который вне дежурства задержал еврея. За такую «старательность» Киричук получил вознаграждение в виде килограмма жиров и килограмма муки²⁹.

Украинская полиция не могла проводить широкомасштабные антиеврейские акции самостоятельно, однако ее роль не ограничивалась, как пишут некоторые авторы, чисто «техническими» функциями конвоирования и охраны³⁰. Архивные материалы и воспоминания узников лагерей и гетто позволяют с уверенностью утверждать, что, подобно полицейским формированиям в Прибалтике, украинская полиция принимала прямое участие в расстрелах. Во время расстрела евреев в Радомышле зондеркоманда 4а расстреляла взрослых евреев, поручив украинским полицейским уничтожение около пятисот детей. В составе той же зондеркоманды полицейские расстреливали евреев в Ново-Украинке на Воляни, в Житомире и вместе с первой пехотной бригадой СС в Чернобыле. В начале октября служащие 51-го батальона шутцманшафта расстреляли еврейских детей во время «акции» в Могилеве³¹. В отношении евреев полицейские располагали максимальной свободой действий и без немецкого контроля, так как в деревнях и селах полиция часто была единственным репрессивным органом оккупационных властей, расположенных в более крупных населенных пунктах. Так, в генеральном округе Киев первые расстрелы, в которых приняла участие местная полиция, по-видимому, начались в июле в Барышевском районе, где полицейские во главе с начальником барышевской полиции К. Лобайчуком расстреляли семью евреев, включая маленького ребёнка. В августе под командой двух представителей фастовской районной полиции и начальника кожанской полиции Якова Шевченко полицейскими Кожанки был расстрелян 21 еврей³².

Одну из наиболее страшных страниц в истории Холокоста вписала белоцерковская полиция. Между восьмым и девятнадцатым августа 1941 г. прибывшее в город подразделение зондеркоманды 4а под командой оберштурмфюрера СС Августа Хефнера расстреляло около пятисот евреев. Украинская полиция и служащие ГФП участвовали в конвоировании евреев к месту экзекуции и стояли в оцеплении. Некоторые полицейские также приняли участие в расстреле, а их коллеги охотились за теми, кто не явился к месту регистрации. Двадцатого августа несколько немецких солдат и два военных капеллана расквартированной в городе 295-й пехотной дивизии доложили военному командованию, что около 90 детей, включая грудных младенцев, находятся в закрытом помещении в течение нескольких дней без воды и пищи. После расстрела родителей служащие зондеркоманды закрыли их в сарае, где дети лежали на голом полу. Их плач и крики привлекли внимание солдат. После переговоров между разными инстанциями, включая не только военного коменданта Белой Церкви и А. Хефнера, но и командира зондеркоманды 4а штандартенфюрера СС Пауля Блобеля и командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау, было решено расстрелять детей как «потенциально опасный элемент». Хефнеру, однако, удалось убедить Блобеля, что расстрел детей сугубо отрицательно скажется на моральном состоянии его подчинённых. В результате Блобель и Хефнер пришли к соглашению, что расстреливать будут украинские полицейские. Согласно послевоенным показаниям Хефнера, детей привезли к месту расстрела в лес, «... где их поставили на край ямы. Милиционеры [так в документе. — А.Л.] дрожали ... и начали стрелять практически не целясь... Крики и плач детей были невыносимыми. Некоторые были ранены несколько раз, прежде чем они скончались»³³. Поручение убийства детей своим помощникам соответствовало отношению немцев к ним. Поскольку Гиммлер был особенно озабочен тем, чтобы участие в массовых убийствах не превратило служащих СС и немецкой полиции в психопатов, морфинистов и алкоголиков (что и случилось не с одним из них), по мере возможности самая кровавая работа могла быть поручена местным полицейским, психическое состояние которых рейхсфюрера СС абсолютно не интересовало. Тот факт, что командование зондеркоманды 4а уже действовало подобными методами в Радомышле, где полицейские расстреляли еврейских детей, свидетельствует в пользу показаний Хефнера³⁴.

В конце октября 1941 г. в ответ на сопротивление отдельных групп советских военнослужащих, прорывавшихся из киевского «котла», командование немецкой 62-й пехотной дивизии приняло решение провести массовый расстрел евреев и советских активистов Миргорода. 28 октября

военный комендант города приказал евреям взять с собой одежду, продукты и ценности и подготовиться к «переселению». В это же время вся миргородская полиция была приведена в боевую готовность. Начальник полиции Степан Дмитренко раздал каждому полицейскому патроны, а немецкий офицер обратился к ним с призывом выполнить предстоящую задачу в «дисциплинированном порядке». Немецкие солдаты, полевая жандармерия и украинские полицейские согнали в центр города 168 евреев, десять советских военнопленных и пять или шесть советских активистов и вывели их за город к противотанковому рву. Когда обреченные осознали, что их ждет, среди них началась паника. По словам бывшего полицейских, женщины и дети кричали, плакали и молили о пощаде; некоторые мужчины и женщины пытались сопротивляться, бросали продукты в снег и рвали деньги, которые у них были. Солдатам и полицейским явно не хватало навыков их более опытных коллег из эйнзатц- и зондеркоманд. Поэтому они не смогли построить свои жертвы в одну линию вдоль рва, а оставили их стоять в одиночку или сбившимися в группы. Дмитренко и несколько немцев прошли с мешками, собирая разбросанные ценности. Когда немецкий офицер отдал приказ раздеться, многие стоящие у рва люди отказались повиноваться. Боясь утратить контроль над ситуацией, офицер приказал открыть огонь, и солдаты и полицейские начали стрелять с расстояния не более десяти-двенадцати метров. Бывший полицейский А. Ксёндз показал на следствии, что «...крики, винтовочные выстрелы и треск автоматов слились в сплошной рёв... люди падали и вставали. Мы стреляли несколько минут, а потом всё неожиданно стихло». Немцы прошли вдоль рва, добывая раненых. После того, как немцы уехали, полицейские разделили между собой одежду убитых³⁵. В декабре украинская полиция и жандармы расстреляли оставшихся в живых евреев Миргорода, включая женщин и грудных детей³⁶.

С 1941 г. по 1943 г. украинская полиция помогала немецким карательным командам и принимала прямое участие в расстрелах в Ново-Шепеличах, Ржищеве, Иванкове, Василькове, Лохвице, Полтаве, Хабном, Фастове, Святошино, Переяславе, Чернобыле и во многих других местах. Повсеместно немцы поощряли своих помощников, разрешая им делить вещи убитых³⁷.

* * *

«Рьяные палачи» или «заурядные исполнители»? Примерно так называли свои книги Даниел Гольдхаген и Кристофер Браунинг, которые исследовали побудительные мотивы немецких полицейских — участников массо-

вых убийств евреев³⁸. Авторы этих нашумевших книг представили на суд читателя две версии. С точки зрения Гольдхагена, традиционный многовековой немецкий антисемитизм, возведенный в государственную нацистскую политику, стал основной движущей силой Холокоста. Браунинг, исследовавший судебные дела служащих 101-го резервного полицейского батальона, пришел к выводу, что основными факторами участия зрелых и далеких от политики мужчин в массовых расстрелах были социальное групповое давление и привычка повиноваться приказам.

В советский период, в то время как органы правосудия упорно разыскивали лиц, подозреваемых в военных преступлениях, официальная историография пыталась приуменьшить масштабы коллаборации местного населения с гитлеровцами. Поэтому советская литература обычно представляла коллаборантов как «националистическое эмигрантское охвостье, белогвардейцев, последней разбитых эксплуататорских классов, а также уголовников»³⁹. Ту же тактику, хотя исходя из других мотивов, избрали украинские эмигрантские круги и украинские историки на Западе, которые изображали бывших полицейских как «уголовных элементов, которые есть в любом обществе», или, как автор апологетичной работы об Украине в годы войны Владимир Косык, вообще умалчивают о роли украинской полиции в системе немецкого террора⁴⁰. Наконец, израильский специалист по истории Холокоста Ицхак Арад считал, что вспомогательная полиция состояла из «местных антисемитов, фашистов и националистов»⁴¹.

Так кто же были люди, поступавшие в полицию? Какие факторы заставили их сделать такой выбор? Почему даже при отсутствии немецкого контроля они с таким рвением выполняли свои преступные функции? Можно ли использовать методику Гольдхагена или Браунинга при анализе мотивов и действий украинских полицейских?

Чтобы ответить на все эти вопросы, автор данной статьи исследовал 82 судебно-следственных дела бывших полицейских генерального округа Киев, которые к 1941 году были в возрасте от 18 до 40 лет. Среди подсудимых были 73 украинца, 6 русских, 2 немца и 1 поляк, что соответствовало этнической демографии центральной и восточной Украины, где украинцы и русские составляли большинство населения. Необходимо учесть, что советские органы безопасности нередко, а особенно в первые послевоенные годы, применяли методы физического и психологического воздействия, чтобы добиться признания обвиняемых, а также потому, что советские суды были заинтересованы скорее в установлении вины подсудимых, чем в анализе мотивировки их действий. В свою очередь, подследственные старались уйти от ответственности или, по крайней мере, преуменьшить своё собственное участие в преступлениях, сваливая свою вину на

других или пытаясь обмануть следствие. Поэтому приходится признать, что установить личные мотивы бывших полицейских с абсолютной точностью практически невозможно, и, таким образом, предлагаемый социально-психологический анализ является скорее научной гипотезой и не претендует на статус бесспорно установленной закономерности.

С уверенностью, однако, можно заявить следующее: большинство полицейских были психически нормальными людьми, то есть их манера поведения как в годы войны, так и во время следствия не проявляла никаких патологических черт. Исходя из этого, мотивировка их действий во время войны должна рассматриваться в контексте их возраста, социально-экономического положения, образования, отношения к власти, политических взглядов, и наконец, индивидуальной ситуации во время войны. Судя по этим параметрам, мы можем частично дисквалифицировать советскую «классовую» характеристику вспомогательной полиции как сборища кулаков и бывших (довоенного образца) врагов советской власти. Только тринадцать человек (около 17% от общего числа) — членов ОУН, участников антисоветских формирований в гражданскую войну и лиц, репрессированных в межвоенный период — можно квалифицировать как идеологических врагов советской власти. Более того, за исключением двух человек, квалифицированных как «кулаки», остальные подсудимые имели вполне «благополучное» с классовой точки зрения происхождение: 59 человек были квалифицированы следствием как бедняки, 7 — как середняки, 11 — как рабочие, и 5 — как служащие (2 бухгалтера, 2 учителя и 1 портной). Хотя один из подсудимых — начальник полиции в Белой Церкви Михаил Томасевич — закончил ВУЗ, для большинства подсудимых общей чертой является низкий уровень образования, большинство закончило несколько классов начальной школы, что в контексте оккупации могло сыграть свою роль в желании продвинуться по социальной лестнице. Наконец, утверждения советских историков и украинской эмиграции о том, что уголовники являлись одним из основных резервов полиции, также не соответствует действительности. Только шестеро подсудимых имели довоенные судимости за спекуляцию и воровство⁴².

На основе исследований западных ученых, таких как Гольдхаген, Браунинг и других, автор смоделировал три примерных социально-психологических типа полицейских — участников акций уничтожения⁴³. Наименьшая группа может быть условно квалифицирована как «политические активисты», то есть люди, движимые идеологическими убеждениями или мотивами. К этой группе относятся четверо оуновцев, пять бывших солдат белой и петлюровской армий и четверо пострадавших во время сталинских «чисток». В начале немецкой оккупации многие члены ОУН(б) и

ОУН(м) из Галиции и Буковины прибыли на восточную Украину вместе с немецкими частями или в составе так называемых походных групп, чтобы создать и возглавить местные органы власти и полицию. Например, осенью 1941 г. в составе киевской, васильковской, фастовской, уманской и белоцерковской полиции было значительное число членов ОУН(м) и ОУН(б)⁴⁴. Хотя аресты и казни снизили число оуновцев в полиции, определённое их количество, как «западников» (то есть прибывших из западной Украины), так и «восточников», продолжало носить полицейскую форму. Так, например осужденный за националистическую деятельность в предвоенный период член ОУН(б) Иван Лановой был начальником фастовской полиции⁴⁵. Подобная биография была и у бывшего следователя киевской уголовной полиции Василия Покотило, который показал на следствии, что на него оказал большое влияние его отчим, убежденный националист. Арестованный и осужденный за антисоветскую риторику в 1940 г., Покотило познакомился в камере Харьковской тюрьмы с оуновцами, которые посвятили его в идеологию украинского национализма и его главную цель — построить независимую «Украину для украинцев». В результате этих бесед Покотило стал идейным националистом — во время личного осмотра на его теле был обнаружен вытатуированный трезубец. Наличие многих русских и евреев на государственных должностях еще более убедили Покотило в необходимости национального освобождения. Поэтому после прихода немцев он добровольно вступил в полицию, где служил в политическом отделе⁴⁶.

Хотя не все оуновцы были юдофобами, начиная с тридцатых годов «очищение» Украины от этнических «чужаков» — русских, поляков и евреев — стало одним из основных принципов националистической идеологии. Молодые оуновцы в Галиции воспринимали буквально постулаты Дмитра Донцова, проповедника так называемого «интегрального национализма». Донцов считал, что восстановление украинской государственности должно начаться с устранения русских, поляков и евреев из социальной и экономических сфер. «Вина евреев, — утверждал Донцов после убийства Петлюры в 1926 году, — в том, что они помогли установить русское господство на Украине... хотя главный виновник — это русский империализм»⁴⁷. Советская оккупация Галиции и Буковины в 1939–1941 годах и участие евреев в органах советской власти усилили антиеврейские настроения как в ОУН, так и среди украинского населения. В 1941 г. несколько резолюций ОУН заклеямили евреев как «авангард московского империализма» и призвали к физическому уничтожению «польских, московских и еврейских активистов» во время войны. Массовые погромы в Галиции, в которых приняла участие организованная ОУН милиция, стали отправной

точкой в борьбе оуновцев с «жидо-большевизмом». В то время как Украинский центральный комитет в Кракове обращался к немецкому руководству по вопросу о передаче конфискованного еврейского имущества украинцам, в июле 1941 г. находившийся под арестом глава несостоявшегося украинского правительства во Львове Ярослав Стецько написал в своей биографии, что он полностью солидарен с немецкими методами «решения еврейского вопроса путем экстерминации»⁴⁸.

Антисоветская идеология или жажда мести могли быть движущими мотивами для бывших участников антисоветской борьбы в гражданскую войну, лиц осужденных советскими судами и так называемых «кулаков». Например, полицейский Фёдор Лященко был офицером царской, белой и петлюровской армий, а Карпо Саморай отсидел срок как бывший петлюровец, Филип Вишневский, который во время оккупации был начальником тюрьмы в Белой Церкви, был осужден во время сталинских чисток, а добровольно вступившие в полицию Василий Тарасенко и Николай Петровский были еще детьми, когда их семьи «раскулачили». Не желая служить режиму, который разрушил его семью, призванный в Красную армию Петровский дезертировал и был осужден военным трибуналом. Некоторые участники антиеврейских акций до войны дружили с евреями, не проявляя никаких расовых предрассудков. Например, один из наиболее активных полицейских Лохвицы Яков Хоменко имел еврейских друзей и был вхож в еврейские семьи. Однако факт, что его отец был «раскулачен», сыграл свою роль при поступлении на службу в полицию. Показательна судьба Андрея Терпило. Родившийся в 1911 г., он воспитывался под влиянием отца и отчима, которые воевали против советской власти в повстанческом отряде атамана Зеленого (Данила Терпило) в районе Триполья. Одинаковые с атаманом фамилии, вероятно, свидетельствуют о родственных связях двух семей. Призванный в Красную армию Терпило сдался немцам, был освобожден из лагеря военнопленных как украинец и в феврале 1942 г. вступил в киевскую вспомогательную полицию, где служил в должности следователя⁴⁹.

Принимая во внимание, что как идеология ОУН, так и идеология белых и украинских национальных формирований во время гражданской войны отождествляла евреев с большевизмом, можно предположить, что полицейские с таким прошлым воспринимали службу в полиции как продолжение идеологической борьбы с «жидо-большевиками». Автор статьи, однако, склоняется к выводу, что хотя определенное число «политических активистов» были антисемитами, нужно принять во внимание и другие субъективные факторы. Так, особо ожесточенный и бескомпромиссный характер гражданской войны и многолетняя подпольная борьба ОУН

сформировали ментальность участников этих конфликтов, приучили их к насилию и частично или полностью притупили чувство человеческого сострадания. Польские «пацификации» украинских сел на Западной Украине и советская политика коллективизации и раскулачивания еще больше усугубили эти процессы среди украинцев и их ненависть к власти предержащим. Таким образом, цели «политических активистов» в уничтожении большевистского режима полностью совпали с целями нацистского руководства. Исходя из таких побуждений, служба в полиции и участие в акциях уничтожения были не самоцелью, а практическим шагом на пути к ликвидации СССР, созданию мононационального украинского государства, а одновременно и проявлением лояльности к Германии.

Две наиболее представительные группы бывших полицейских, «инициативные конформисты» и «заурядные исполнители», отражают как в количественном (соответственно 26 и 42 человек), так и в качественном аспекте специфический социально-психологический характер всего советского общества как продукта тоталитарного правления. В отличие от «политических активистов», представители этих групп не имели четких политических убеждений и были готовы принять любую исходящую свыше точку зрения. В этом аспекте особо выделялись «инициативные конформисты», которые перед войной занимали средние и низшие должности в милиции, партии и госаппарате. Например, следователь украинской полиции в Дымерском районе Иван Потелепень был членом партии и председателем колхоза. Полицейский Иван Шапочка, один из активных участников казни евреев Миргорода, был кандидатом в члены партии и партийным активистом в Миргородском районе. Заместитель начальника полиции Барышевки Андрей Чумак был также кандидатом в члены партии, как и лейтенант Красной армии Лука Неделько, который во время оккупации служил секретарем таращанской полиции. Многие советские служащие сменили профессию, одев униформу полицейского. Например, юрист Вадим Майковский стал начальником уголовного отдела киевской полиции, где проявил себя инициативным и жестоким следователем⁵⁰.

Атмосфера всеобщего страха, особенно в тридцатые годы, приучила целую плеяду «инициативных конформистов» выступать на митингах, используя шаблонную политическую фразеологию, проявлять кипучую энергию в различных публичных мероприятиях и во всем поддакивать начальству. С другой стороны, закаленные в должностных интригах, они не колеблясь доносили на своих начальников и коллег и, лишённые моральных принципов, быстрее других приспособивались к постоянно меняющемуся политическому климату. После начала войны они также быстро «переориентировались», предложив свои услуги новым хозяевам.

Можно предположить, что те, кто опасался последствий за свою службу в партийных и советских органах и партизанских отрядах, особо старались «искупить» свою вину и доказать свою лояльность Германии. Так, среди служащих полиции в генеральном округе Киев были дезертиры из Красной армии, комсомольцы и бывшие служащие истребительных батальонов. Эти элементы особо проявили себя в грабежах и насилиях над местным населением, которое их ненавидело⁵¹.

«Заурядные исполнители» находились на последних ступенях советской социальной иерархии. Это были в основном крестьяне, неквалифицированные рабочие и люди без определенных профессий. Необходимо учесть, что коллективизация и Голодомор 1930-х годов также повлияли на настроения местного населения, особенно крестьян, для которых советская власть стала источником реквизиций, конфискаций и полуголодного существования. Поэтому для них служба в полиции была как способом социального продвижения, так и средством к существованию. Привыкшие быть бессловесными исполнителями и особо ощущая полную беспомощность перед огромным аппаратом власти, они, поступив в полицию, неожиданно стали ее представителями. Неудивительно, что среди «заурядных исполнителей» было много молодежи. Например, в списке, найденном автором в Государственном архиве Киевской области, среди 80-ти белоцерковских полицейских 31 был в возрасте 27 лет и моложе. Полиция Володарки также состояла в основном из молодых людей, которые особо рьяно охотились за евреями. Для них, как и для их старших коллег, жажда обогащения за счет жертв и опьянение властью, особенно в вопросах жизни и смерти, были непреодолимыми⁵². Среди этой категории полицейских были и такие, которые поступили на службу в полицию по совету знакомых или за неимением другой работы. Например, Иван Надточий и Иван Мякота стали полицейскими исходя из чисто материальных побуждений и при отсутствии других способов заработка, хотя в условиях оккупации, когда большинство населения старалось выжить любыми средствами, экономический фактор мог быть превалирующим практически для всех вышеперечисленных категорий⁵³. В приводимой ниже таблице показана средняя зарплата служащих полиции⁵⁴.

Учитывая быстро растущие цены, зарплаты полицейских были небольшими. Например, килограмм хлеба стоил сто пятьдесят рублей, литр молока — от двадцати до восьмидесяти рублей, курица — до трехсот рублей. Однако, помимо денег, полицейские пользовались другими, недоступными для большинства населения привилегиями. Так, их семьи были освобождены от налогов, они получали бесплатную униформу, теплое белье, одежду и обувь от местных управ, часто собранные после акций уничтоже-

Звание/должность в полиции	Месячная зарплата в оккупационных карбованцах	Другие профессии	Месячная зарплата в оккупационных карбованцах
Рядовой	240	Неквалифицированный рабочий	200
Унтер-офицер	300	Медсестра Электрик	300
Командир взвода	450	Шофер	400–600
Следователь	520	Секретарь/секретарша в государственном учреждении	450–550
Командир роты/ заместитель начальника полиции	700–800	Бухгалтер Врач в Киеве	750–800
Командир батальона/ начальник полиции	990	Главный бухгалтер на заводе/фабрике	950–1100

ния. Семейные полицейские получали прибавку к зарплате — 500 рублей (холостые получали 240 рублей), а также пайки хлеба, крупы, масла, водки, сахара, табака и мыла⁵⁵. Участие в акциях приносило и другие материальные блага, такие как одежда и имущество жертв. Так, во время казни в Умани полицейские требовали от евреев деньги в обмен на жизнь, а после расстрела в Миргороде особо отличившиеся полицейские получили знаки отличительные ленточки и квартиры убитых евреев⁵⁶.

Некоторые молодые мужчины были поставлены перед выбором — служба в полиции или принудительный труд в Германии. Например, схваченный в облаве в Киеве Федор Бугер предпочел службу в полиции работам в Германии. Его примеру последовали и другие, как Николай Горбас и М. Химочка⁵⁷. Весной 1942 г., когда киевская полиция безопасности начала формирование 23-го батальона шуцманшафта, прибывшие в Полтавскую область немецкие офицеры и унтер-офицеры, включая будущего коменданта Сырецкого «воспитательно-трудового» лагеря Пауля Радомского, отобрали около семисот молодых парней как подходящих кандидатов. Судя по материалам судебного следствия, альтернативой службы в полиции была отправка в Рейх⁵⁸. Последняя перспектива прельстила немногих. Например, Остап Фосенко-Хвоя однажды уже был отправлен в Германию, сбежал и приехал домой в Глеваху. Решив, что не стоит испытывать судьбу дважды, он вступил в батальон⁵⁹. Для других добровольцев служба в поли-

ции стала реальной возможностью избежать голодной смерти в лагерях для военнопленных. Так например, в октябре 1941 г. около трехсот военнопленных предпочли службу в полиции, чем смерть в страшной «Хорольской яме». Нечеловеческое обращение немцев с советскими военнопленными, голод, издевательства и расстрелы также лишили чувства сострадания многих, кто выжил. По словам активного участника расстрела евреев в Миргороде А. Ксендза, после того как его выпустили из лагеря, он думал только о том, как пережить войну любым способом⁶⁰.

Отдавали ли себе отчет «инициативные конформисты» и «заурядные исполнители», какие функции им придется выполнять в полиции? Для многих, скорее всего, это не имело значения. Одни воспринимали свою новую деятельность всего лишь как смену одной профессии на другую, если не совсем «чистую», то приносящую вполне ощутимые блага. Другие вместе с этими благами впервые стали носителями власти, а для тех, кто находился в лагерях военнопленных или не желал становиться остарбайтером, жажда выжить была главным мотивом.

* * *

Несмотря на разницу в социальном происхождении, уровне образования и мотивациях, все вышеназванные категории полицейских объединял один фактор — подавляющее их большинство проявляли жестокость по отношению к своим жертвам, даже когда их действия не контролировались немецким начальством. Например, весной 1942 г. полицейские в Лазоркском районе Полтавской области поймали и убили восьмерых евреев, включая грудного ребенка. Полицейские, конвоировавшие группу евреев из Ворзеля в Гуровщину, решили «сократить» рабочий день и расстреляли их у дороги, предварительно выпив для храбрости. В фатовской тюрьме полицейские били заключенных евреев и заставляли их танцевать, петь и молиться⁶¹. Осенью 1941 г. начальник лазоркской районной полиции Семен Бас и его подчиненные бросили в колодец прокурора района Михаила Брехина, который пролежал там целый день, пока его не добились. В Тверской, который побывал в тюрьме при штаб-квартире украинской полиции в Киеве, вспоминал, что полицейские жестоко избивали заключенных. Начальник тюрьмы в Смеле А. Коваленко и следователь белоцерковской полиции Дмитрий Колониус избивали и мучили арестованных, а заместитель начальника Кашперовской полиции Филип Бреденко копировал поведение немецких карателей, стреляя в затылок своим жертвам⁶².

Издевательства и избиения могли быть результатом этнических пред-
рассудков среди полицейских. Например, тот же Колониус был автором

антисемитских статей, в которых он обвинял евреев в сотрудничестве с дьяволом и создании СССР, а также призывал украинцев быть «старательными» учениками немцев в решении еврейского вопроса⁶³. Многие полицейские также прошли тренировочные курсы, где на политических занятиях им внушали ненависть к политическим и расовым врагам Германии. В августе 1942 г. Гиммлер разослал директиву главнокомандующим СС и полиции, в которой указывалось на необходимость обязательной шестинедельной «политической ориентации» местных полицейских. Инструкторы делали особый акцент на цели Германии в создании европейского сообщества перед лицом угрозы со стороны «жидо-большевизма». Лекции, озаглавленные «большевизм — дело рук Маркса и Мордехаия», «... евреи совершают революцию», «евреи должны быть уничтожены», «немецкий солдат — освободитель Европы от еврейского ярма» подчеркивали мнимую экономическую и политическую силу евреев, их врожденный вредоносный характер и главенствующую роль в создании советского режима.⁶⁴ Трудно сказать, насколько такого рода пропаганда влияла на действия полицейских. Можно предположить, однако, что в сочетании с общей атмосферой насилия на оккупированной территории, где человеческая жизнь потеряла цену, такой психологический прессинг сыграл определенную роль в их поведении.

Тем не менее, антисемитизм среди служащих полиции только частично объясняет их жестокость, поскольку таковая проявлялась и по отношению к украинцам и русским. Так, в марте 1942 г. в сводке Главного управления имперской безопасности (РСХА) указывалось, что «особо строгие меры» необходимы не только против евреев, но и против украинской полиции, которая терроризировала население. Жителям Кременчуга и Лохвицы навсегда запомнились грабежи и издевательства местных полицейских. Такую же недобрую славу заслужили солдаты 23-го батальона шцупманшафта. Во время антипартизанских операций в Киевской, Полтавской и Житомирской областях батальон грабил население и принимал участие в расстрелах. Батальон также участвовал в борьбе против партизан в Белоруссии, где сжигались целые деревни, охранял Тростянецкий лагерь и тюрьму полиции безопасности в Минске. Члены батальона служили в охране лагерей в Германии, и весной 1944 г. во время конвоирования группы узников из Майданека в Гросс-Розен они расстреляли двадцать пять человек⁶⁵.

Фактор привычки беспрекословно подчиняться приказам также сыграл свою роль в поведении полицейских. В шестидесятые годы американский исследователь Стэнли Мильграм провел эксперимент, который с тех пор вошел в учебники психологии в США как классический пример поведения людей, «освобожденных» от ответственности указаниями свыше.

Участники эксперимента были разделены тонкой стенкой на «учителей» и «учеников». Привязанные к креслу «ученики» отвечали на вопросы «учителей», которые реагировали на каждый неправильный ответ увеличением напряжения тока, якобы подключенного к данному «ученику». На самом деле электрические провода не несли в себе никакого заряда, но «ученики» за стеной разражались криками и стонами в ответ на каждый «удар» тока. Присутствующие руководители эксперимента поощряли «учителей» увеличивать напряжение «во имя науки» и, невзирая на душераздирающие мольбы и крики «учеников», большинство «учителей» беспрекословно выполняло инструкции увеличивая подачу тока до максимума. Мильграм, таким образом, пришел к выводу, что если действия человека санкционируются свыше, он чувствует себя освобожденным от ответственности и подчиняется указаниям и приказам, не задумываясь о последствиях⁶⁶.

Однако, как уже указывалось, полицейские часто охотились за людьми и без непосредственного немецкого надзора. В данном случае можно считать, что чувство абсолютной безнаказанности, особенно в отношении людей, объявленных нацистской политикой вне закона, полностью легализовало действия, которые в иной, мирной ситуации трактовались бы как преступные, и пробуждали низменные инстинкты. Учитывая, что еще в 1942 г. победа Германии не вызывала сомнений и, таким образом, мысль о возможном возмездии не входила в расчеты, участие в массовых убийствах нивелировало все моральные сдерживающие начала и сближало их участников, навсегда проводя невидимую черту между ними и остальным обществом. Тем более, что преступление, совершенное в составе группы, трансформирует индивидуальную ответственность в коллективную, т.е. чем больше состав преступной группы, тем меньшую ответственность чувствует каждый ее участник⁶⁷. Сознание, что возврата нет, угрызения совести (если они оставались) и страх перед расплатой (особенно после Сталинграда) заливались алкоголем. Недаром во многих случаях во время и после расстрелов полицейские напивались. Страх, что коллеги могут донести на колебавшегося, также безусловно сыграл свою роль, тем более, что отказ от участия в убийстве — хотя автор не нашел подтверждения таких случаев — мог закончиться плачевно. В отличие от немцев, которых просто переводили на другое место службы, полицейского, скорее всего, ждал военно-полевой суд, тюрьма или расстрел.

Поэтому очень немногие полицейские нашли в себе силы проявить человеческое сострадание, гражданское мужество и попытаться спасти евреев от гибели. Так, во время расстрела в Бабьем Яру пятилетний В. Альперин, его мать и бабушка были спасены полицейским, которого они запомнили как «пан Гордон», который вывел их за оцепление. На следующий день он

же снабдил их «арийскими» документами и помог переселиться в другую квартиру, подальше от соседей, которые их знали. Весной 1942 г. киевский полицейский предупредил Виктора Лунина и его семью о готовящейся облаве. Арестованная украинской полицией в Киеве мать Шейлы Полищук спаслась благодаря вмешательству ее украинских знакомых доктора Бувайлика и ее предвоенного пациента Михайловой, которые подтвердили, что она украинка. Следователь полиции Игнатовский безусловно понял ситуацию, но тем не менее отпустил Полищук. Спасшиеся из гетто Умани Мирон Демб и его мать были задержаны на дороге полицейским, который отпустил их, несмотря на то, что был сыном раскулаченной семьи. София Пятигорская и Татьяна Пилькина, которые сбежали в августе 1943 г. из Неморожского рабочего лагеря, спаслись благодаря помощи полицейского Андрея Слынько, одноклассника Софии. Спрятанные семьей Микитенко, они были предупреждены другим полицейским Павлом Волкотрубом (по всей вероятности, членом советского подполья) о грозящем обыске и успели уйти. Спрятанная той же семьей Микитенко Татьяна Шнайдер получала хлеб и мясо от полицейского по имени Фока⁶⁸.

Приведенные выше примеры, однако, являлись скорее исключением из правила. Приняв участие в акциях уничтожения, подавляющее большинство полицейских катилось по наклонной плоскости в соответствии с известной логикой: «...мы натворили уже столько, что нам остается лишь натворить еще больше». Многие превращались в обыкновенных бандитов и мародеров, ненавидимых большинством населения. Немецкие рапорты полны жалоб на ненадежность полицейских, их пьянство, коррупцию, отсутствие дисциплины, кражи и неограниченную жажду наживы. Так, вышеуказанный Филип Вишневский был арестован за то, что присваивал себе одежду арестованных. Начальник белоцерковской полиции жаловался бургомистру города, что переводчик полиции украл велосипед, принадлежащий штаб-квартире полиции. В июне 1942 г. киевский полицейский Иван Масловский был осужден на два года немецким судом за кражу плавок у немецкого солдата и за то, что он отобрал сигареты у мальчика-торговца на рынке. Подобные случаи были настолько нередки, что командующий СС и полиции в генеральном округе Киев запретил украинским полицейским появляться на рынках во внеслужебное время. В феврале 1942 г. ГФП арестовала несколько охранников тюрьмы в Кобеляках, которые проносили пищу евреям-заключенным в обмен на ценности. Один полицейский был расстрелян, а его напарники приговорены к короткому тюремному заключению и отправлены на работы в колхоз для «перевоспитания». В сентябре 1941 г. Гиммлер приказал отдавать под военно-полевой суд ненадежных и струсивших полицейских, в апреле 1943 г. главноко-

мандующий СС и полиции Украины и юга России Ганс Прицманн подчеркнул в приказе, что эти меры относятся только к украинским полицейским и казачьим формированиям, а не к более надежным эстонцам, латышам и литовцам⁶⁹.

Неудивительно, что многие полицейские стали обыкновенными ландскнехтами, которым было все равно, как и кому служить. Их психология нашла отражение в маршевой песне, которую осенью 1941 г. не лишённые чувства юмора лохвицкие полицейские переиначили из куплета популярной предвоенной мелодии:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Гитлер
И Маршал Геринг в бой нас поведёт⁷⁰.

(Довоенный вариант звучал так:

Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый Маршал в бой нас поведёт).

* * *

Во всех оккупированных немцами странах Европы в условиях террора, экономических трудностей и голода подавляющее большинство населения просто пыталось адаптироваться, чтобы выжить и свести концы с концами. На двух противоположных полюсах находились два политических меньшинства, выбравшие соответственно сопротивление и прямую коллаборацию. Последняя категория в нашем исследовании представлена тремя вышеописанными социально-психологическими типами, которые объединяют широкий набор человеческих характеров — как идеологических противников советской власти, так и людей, заинтересованных прежде всего в материальных выгодах и социальном продвижении. Однако, несмотря на разницу в возрасте, социальном происхождении, наличии или отсутствии политических убеждений, большинство полицейских выполняло свои функции, включая уничтожение безоружных людей, безоговорочно и эффективно, как под непосредственным немецким контролем, так и без него. Можно предположить, что приведенные выше мотивирующие факторы службы в полицейских формированиях в генеральном округе Киев во многом действовали и в других, центральных и восточных районах республики⁷¹. Например, после освобождения Украины партийные органы зарегистрировали более 57 000 коммунистов, оставшихся на

окупированной территории⁷². Как уже указывалось, значительное количество «инициативных конформистов» поступило на службу в полицию именно из этой среды. Социально-политическая атмосфера предвоенного советского общества превратила большинство населения, за исключением идеологических врагов советской власти, в равнодушных и лишенных политических убеждений людей. Поэтому для многих служба в полиции являлась не более чем приемлемой альтернативой выживания в условиях оккупации или ступенькой на пути к социальному продвижению и материальным благам. Начиная с 1943 г. многие полицейские начали в очередной раз «перекрашиваться», вступая в Красную армию, партизанские отряды или УПА, воевали и получали правительственные награды⁷³. После войны они возвращались домой или, сменив место жительства, пытались раствориться среди населения и снова стать «заурядными» советскими гражданами.

Нужно подчеркнуть, что ответственность за массовый террор и уничтожение евреев, в первую очередь, лежит на немецких военных, карательных и гражданских органах. Хотя немцы сформировали на Украине большие по численности местные полицейские силы, в пропорции к общему населению они составляли не более одного процента. Тем не менее, роль вспомогательной полиции должна рассматриваться не сквозь призму простых числовых соотношений, а в контексте ее действий в системе немецкой оккупации. С этой точки зрения, ее роль как инструмента нацистской расовой политики не следует недооценивать: без помощи полиции нацистам не удалось бы уничтожить такое количество людей за относительно короткий срок. Американский ученый Ян Гросс так определил роль местных коллаборантов в Холокосте: «... решения, принятые разными людьми, живущими в местах [уничтожения евреев. — *АЛ*], сыграли решающую роль... Можно предположить, что, если хотя бы некоторые из этих людей сделали другой выбор, войну пережило бы гораздо больше восточноевропейских евреев»⁷⁴. Однако, большинство служащих украинской полиции, как в генеральном округе Киев, так и по всей оккупированной территории Украины, такого выбора не сделало. Несмотря на свой официальный «вспомогательный» статус, местная полиция сыграла значимую, а порой — ключевую роль в системе нацистского террора, включая уничтожение еврейского населения.

Примечания

¹ См., напр.: *Stang K. Kollaboration und Massenmord: Die litauische Hilfspolizei, das Rollkommando Hamann und die Ermordung der litauischen Juden.* — Frankfurt/Main; New York: P. Lang, 1996. — 286 p.; *Birn RB. Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944: Eine Studie*

- in Kollaboration im Osten. — Paderborn: Schöningh, 2006. — 286 p.; *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. — NY: St. Martin's Press, 2000. — 241 p.
- ² *Литвин А.* Акупація Беларусі (1941–1944). Пытанні супраціў і калабарацыі. — Мінск: Беларускі Кнігазбор, 2000; *Stankeras P.* Lietuvos policija 1941–1944 metais. — Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo cnetras, 1998. — 304 p.; *Дерейко І.* Українські допоміжні воєнізовані формування німецької армії і поліції в генеральній окрузі Київ // Архіви окупації: 1941–1944 / Упор. Н. Маковська. — Київ, 2006 (далеє — Архіви окупації). — С. 796–804; *Гончаренко О.* Геноцид євреїв на території генерального округу Київ та українська поліція: постановка проблеми // *Девятыє запарожскіє єврейскіє чтенія.* — Запарожье, 2005 (далеє — *Гончаренко О.* Геноцид євреїв). — С. 57–63; *Семиряга М.* Коллаборационизм: природа, типология и проявление в годы второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. — 862 с.
- ³ В октябрі 1940 г. маршал Филип Петэн применил слово «коллаборация» для обозначения формы сотрудничества между правительством Виши и нацистской Германией. *Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im ostlichen Europa 1939–1945 / Ch. Dieckmann et al., eds.* — Göttingen, 2003 (далеє — *Kooperation und Verbrechen*). — С. 11f).
- ⁴ См. краткий обзор идеологической коллаборации на Украине: *Шайкан В., Шайкан В.* Ідеологічне підґрунтя колабораціонізму в Україні в роки фашистської окупації // Архіви окупації. — С. 849–853.
- ⁵ См. классификацию форм коллаборации: *Röhr W.* Okkupation und Kollaboration // *Okkupation und Kollaboration (1938–1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik / W. Röhr, ed.* — Berlin, 1994. — S. 72–74.
- ⁶ *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2 Weltkrieges. — Tübingen, 1954. — S. 20; *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR, 1941–1944: Dokumente / N. Müller, ed.* — Köln, 1982 (далеє — *Deutsche Besatzungspolitik*). — S. 58–59; *Фесенко Т.* Повесть кривых лет. — Нью-Йорк, 1963. — С. 76; *Bundesarchiv-Militärarchiv* (далеє — *ВА-МА*), RH 22/5, Bl. 455–456. Все документи из военного архива во Фрайбурге и Государственного архива в Берлине мне любезно предоставил Мартин Дин.
- ⁷ United States Holocaust Memorial Museum (далеє — *USHMM*), RG-31.002M, roll 1 (ф. 3206, оп. 2, спр. 26, арк. 29) (Если на микропленке отсутствует нумерация кадров, автор в скобках дает ссылки на оригинальное дело и номера листов, содержащихся на микропленке); RG-50.2226*0014, интервью с Елизаветой Карпар; *Golczeuski F.* Die Revision eines Klischees: Die Rettung von verfolgten Juden im Zweiten Weltkrieg durch Ukrainer // *Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit: Regionalstudien 2 — Ukraine, Frankreich, Böhmen und Mähren, Österreich, Lettland, Litauen, Estland / W. Benz and J. Wetzel, eds.* — Berlin, 1996. — S. 45–46.
- ⁸ National Archives and Records Administration (далеє — *NARA*), RG-242, T501, roll 5, frame 000482-000483; *ВА-МА*, RH 22/5, Bl. 447–448.
- ⁹ *ВА-МА*, RH 22/9, Bl. 1–3; Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (далеє — *ЦДАВОУ*), ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 175, арк. 131; Центральний державний архів громадських об'єднань України (далеє — *ЦДАГОУ*), ф. 166, оп. 2, спр. 58, арк. 2; Державний архів Київської області (далеє — *ДАКО*), ф. Р-2225, оп. 1, спр. 2, арк. 25; *USHMM*, 1996.A.0169, M-37/113, без номера страницы; *USHMM* RG-31.018 (далеє — *SBU-USHMM*), roll 3 (спр. 56 527, арк. 75); Центральное хранилище историко-документальных коллекций, ф. 1275, оп. 3, д. 662, л. 57; *NARA*, RG-242, T501, roll 6, frame 000277, 000545; RG-238, серия M895, roll 3, frame 0385-0386; Российский государственный архив социально-политической истории (далеє — *РГАСПИ*), ф. 1275, оп. 3, д. 662, л. 57; *Deutsche Besatzungspolitik.* — S. 59; *Golczeuski F.* Organe der deutschen Besatzungsmacht: Die ukrainische Schutzmannschaften // *Die Bürokratie der Okkupation: Strukturen der Herrschaft und Verwaltung im besetzten Europa / W. Benz, J.H. ten Cate, G. Otto, eds.* — Berlin, 1998 (далеє — *Golczeuski F.* Organe der deutschen Besatzungsmacht). — S. 173–196.
- ¹⁰ *NARA*, RG-242, T501, roll 6, frame 000421.

- ¹¹ NARA, RG-238, серия M898, roll 12, frame 0294; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: Збірник документів і матеріалів. — К., 1963. — С. 131–141.
- ¹² Bundesarchiv (далее — BA), R 19/266, Bl. 1029–1030; NARA, RG-242, T501, roll 7, frames 000212, 001240, 001246; *Neufeldt H.A., Huck J., Tessin G.* Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936–1945. — Koblenz, 1957. — S. 60–65; *Tessin G., Kammapin N.* Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz, 1939–1945: Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht. — Osnabrück, 2000. — S. 593; USHMM, RG-06.025*02, microfish 2 (д. 134); RG-11.001M.15, roll 80 (л. 129–130); ДАКО, ф. P-2443, оп. 1, спр. 5, арк. 42.
- ¹³ USHMM, 1996.A.0169, roll 1, M-37/149 (1/23/533), без номера страницы; NARA, RG-242, T501, roll 7, frame 001256.
- ¹⁴ SBU-USHMM, roll 3 (спр. 56 527, арк. 75); ДАКО, ф. P-4437, оп. 1, спр. 1, арк. 71.
- ¹⁵ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 26 693, арк. 65); roll 3 (спр. 56 527, арк. 74–75); roll 5 (спр. 4452, т. 2, арк. 10; спр. 17 839, арк. 8–8зв.; спр. 4571, арк. 14–15); Державний архів Служби безпеки України (далее — ДА СБУ), ф. 5, спр. 19 896, т. 6, арк. 17; NARA, RG-242, T-175, roll 235, frame 2 722 678.
- ¹⁶ BA, R94/26, Bl. 8–9; USHMM, 1996.A.0169, roll 1, M-37/14 (1/22/75), без номера страницы; RG-06.025*02, microfish 12 (д. 127); без номера страницы; RG-11.001M.15, roll 80, арк. 10–12; RG-22.005M, roll 3 (ф. 69, оп. 1, д. 713, л. 4, 69–70); ЦДАВОУ, ф. 3206, оп. 2, спр. 217, арк. 65–65зв.; SBU-USHMM, roll 5 (спр. 46 872, арк. 43); *Wilhelm H.-H.* Rassenpolitik und Kriegführung. Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und the Sowjetunion, 1939–1942. — Passau, 1991. — S. 234.
- ¹⁷ ЦДАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 175, арк. 106–107; спр. 195, арк. 65–66; NARA, RG-242, T175, roll 235, frame 2723955; T315, roll 2217, frame 000178; SBU-USHMM, roll 7 (спр. 7250, арк. 16об., 30–30зв.); Безсмертня: Книга пам'яті України, 1941–1945. — К., 2000. — С. 197.
- ¹⁸ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 10, арк. 195–196.
- ¹⁹ NARA, RG-242, T175, roll 234, frame 000254–256.
- ²⁰ *Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. — Stuttgart, 1981. — S. 146–147; *Pohl D.* Die Einsatzgruppe C 1941/42 // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / P. Klein, ed. — Berlin, 1997. — S. 71.
- ²¹ NARA, RG-238, M895, roll 3, frame 0361–0362, Bundesarchiv-Ludwigsburg (далее — BAL), B162 AR(Z) 6100011, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der EG C, Sk 4b, B. 1, Bl. 84; B. 2, Bl. 329.
- ²² SBU-USHMM, roll 1 (спр. 56 272, арк. 76–77; спр. 58 515, арк. 83); roll 4 (спр. 50 670, арк. 19); BAL, AR(Z) 6100011, B. 21, Bl. 176; USHMM, 1996.A.0169, reel 10, M37/1205 (M37-995) (ф. 166, оп. 3, спр. 223, арк. 7); RG-31.015M, «Records of the Ukrainian Extraordinary State Commission, 1943–1944», accession 2001.96 (ф. 3206, оп. 14, спр. 48, без номера страницы; ф. P-4085, оп. 3, спр. 2275, арк. 6); «Не считайте меня чужой». Письмо Ольги Супрун из Золотоноши родным мужа, Бориса Юдковского. 12 января 1944 г. // Неизвестная черная книга. — Иерусалим; М., 1993 (далее — Неизвестная черная книга). — С. 197.
- ²³ SBU-USHMM, roll 2 (спр. 2784, т. 1, арк. 14–15, 19, 25–28, 31, 252; т. 2, арк. 368–370).
- ²⁴ По вопросу об участии украинской полиции в расстрелах евреев в Бабьем Яру см.: *Дерейко І.* Зазн. праця. — С. 797; *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. — Cambridge, 2004. — P. 68; *Нахманович В.* Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва восени 1941 р. // *Український історичний журнал.* — 2007. — № 3. — С. 76–96.
- ²⁵ BAL, AR(Z) 6000269, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der EG C, Sk 4a, B. 7, Bl. 1370; B. 11, Bl. 23, 69; B. 22, Bl. 22–24, 29; AR(Z) 5900266, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der EG C, Ek 5, Umschrift, B. 2, Bl. 267; AR(Z) 5800021, Ermittlungsverfahren gegen Erich Ehrlinger u.a., B. 5, Bl. 3181; B. 12, Bl. 29; ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 3, спр. 242, арк. 38–39; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 56 272, арк. 17–20, 62–63, 77–80, 98–102); roll 2

- (спр. 2784, т. 1, арк. 72–73, 76, 87–89; т. 2, арк. 44); NARA, RG-242, T175, roll 234, frame 000254-256.
- ²⁶ Письмо Семена Айзенштейна автору, Чикаго, США, 30 июля 2002 г.
- ²⁷ Unsere Ehre heisst Treue: Kriegstagebuch des Kommandostabes des Reichsführers SS. Tätigkeitsberichte der 1 und 2 SS-Inf.-Brigade, der 1 SS-Kav-Brigade und von Sonderkommandos der SS. — Vienna; Frankfurt; Zürich, 1966. — S. 146.
- ²⁸ ДАКО, ф. Р-2001, оп. 1, спр. 13, арк. 25–26, 34, 39, 41–44, 48–49; оп. 1, спр. 14, арк. 38; оп. 1, спр. 34, арк. 1, 2, 4–5, 10, 15–17, 25, 31; ф. Р-2443, оп. 1, спр. 5, арк. 163; ф. Р-4437, оп. 1, спр. 1, арк. 193, оп. 1, спр. 2, арк. 1–2об, 14–15, 26–28; оп. 1, спр. 3, арк. 51–52.
- ²⁹ ДАКО, ф. Р-4437, оп. 1, спр. 1, арк. 193, 209.
- ³⁰ Гончаренко О. Політика нацистського геноциду євреїв України // Архіви окупації. — С. 791; Його ж. Геноцид євреїв. — С. 56.
- ³¹ BAL, AR 6502356, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige des Stabes der EG C, B. 1, Bl. 155; Pobl D. Ukrainische Hilfskräfte beim Mord an den Juden // Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? / P. Gerhard, ed. — Göttingen, 2002. — S. 214; ДАКО, ф. Р-4758, оп. 2, спр. 52, арк. 43, 48.
- ³² SBU-USHMM, roll 4 (спр. 57 034, арк. 17–18; спр. 39 816, арк. 46–51, 56–58, 64–65; спр. 50819, арк. 12–13, 16–17); roll 5 (спр. 58101, арк. 15–16зв.).
- ³³ BAL, AR(Z) 6000269, B. 34, Bl. 374–375, 387; DC-Scheks, Bl. 138–139; NARA, RG-242, T175, roll 233, frame 27222379; T501, roll 7, frame 000886; roll 33, frame 000886; USHMM, RG-06.025*02, microfish 19 (д. 312); SBU-USHMM, roll 1 (спр. 26 693, арк. 242); The Old Good Days: The Holocaust as Seen by Its Perpetrators and Bystanders / Klee E., Dressen W., Riess V., eds. — NY, 1988. — P. 153–154.
- ³⁴ См. дело Куно Кальсена и других, BAL, AR(Z) 6000269.
- ³⁵ SBU-USHMM, roll 7 (спр. 7487, арк. 17; спр. 4452, т. 2, арк. 38–49); ДА СБУ, ф. 5, спр. 19 896, т. 1, арк. 98–102, 110–128; т. 2, арк. 4–5, 10, 32–34, т. 3, арк. 73–75; ЦДАВУО, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 175, арк. 126; NARA, RG-242, T501, roll 6, frame 000421; Державний архів Полтавської області (далеє — ДАПО), ф. 3206, оп. 14, спр. 48; ф. Р-1876, оп. 8, спр. 91, без номера страницы; BAL, AR 7000067, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der Infanterie Division 62, Bl. 59, 221.
- ³⁶ SBU-USHMM, roll 7 (спр. 7487, арк. 16зв.; спр. 4452, т. 2, арк. 7–24); ДА СБУ, ф. 5, спр. 19 896, т. 3, арк. 107–110, 132–136.
- ³⁷ ДАКО, ф. Р-2001, оп. 1, спр. 14, арк. 38; спр. 13, арк. 25–26, 34, 39, 41–44, 48–49; ф. Р-4437, оп. 1, спр. 1, арк. 71; ф. Р-4758, оп. 2, спр. 2, арк. 3, 77, 103; спр. 36, арк. 51; спр. 19, арк. 16; спр. 22, арк. 8; спр. 25, арк. 12, 30; Лохвицький краєзнавчий музей, папка 45, акт 32; ДАПО, ф. 1876, оп. 8, спр. 77, арк. 30, 36зв; спр. 100, арк. 10; ЦДАВУО, ф. 3206, оп. 2, спр. 217, арк. 65–65зв.; BAL, AR(Z) 6100011, т. 4, арк. 734; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 56 272, арк. 20–22, 74–76, 82–84, 107–108; спр. 58 515, арк. 29, 31–33, 41–44, 81–82; спр. 60 822, арк. 21; спр. 63 899, арк. 6); roll 2 (спр. 23 828, арк. 62–63; спр. 39 144, арк. 17, 23, 26, 48–50); roll 3 (спр. 56 527, арк. 76, 102–102зв.); roll 4 (спр. 56 141, арк. 17–18, 37–38, 52зв.); USHMM, RG-06.25.02, microfish 19 (д. 311, без номера страницы).
- ³⁸ Goldbagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. — NY: Alfred A. Knopf, 1997. — 622 p.; Brouning C. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. — NY: HarperPerennial, 1998. — 271 p.
- ³⁹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — М., 1978. — С. 218.
- ⁴⁰ Humczak T. Ukrainian-Jewish Relations during the Soviet and Nazi Occupations // Ukraine during World War II: History and its Aftermath / Yu. Boshuk, ed. — Edmonton, 1986. — P. 46; Косиш В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. — Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. — С. 176.
- ⁴¹ Arad Yi. The Holocaust of Soviet Jewry in the Occupied Territories of the Soviet Union // Yad Vashem Studies. — 1991. — № 21. — P. 13.
- ⁴² SBU-USHMM, roll 1 (спр. 56 272, арк. 27–28, 207–208; спр. 63 899, арк. 111–112).

- ⁴³ *Frey D., Rez H.* Population and Perpetrators: Preconditions for the Holocaust from a Control-Theoretical Perspective // *Understanding Genocide: The Social Psychology of the Holocaust* / L.S. Newman, R. Erber, eds. — Oxford; NY, 2002. — P. 188–221; *The Quest for the Nazi Personality: A Psychological Investigation of Nazi War Criminals* / E.A. Zillmer et al, eds. — Hillsdale, New Jersey, 1995.
- ⁴⁴ SBU-USHMM, roll 2 (спр. 43 111, арк. 33); roll 3 (спр. 46 872, арк. 64–65); USHMM, 1996.A.0169, M-37/14 (1/22/75), без номера страницы; *Дуда А., Старук В.* Буковинський курінь в боях за українську державність, 1918, 1941, 1944. — Чернівці, 1995. — С. 84–86.
- ⁴⁵ ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 58, арк. 8; SBU-USHMM, roll 1, frame 0993-0994 (спр. 39 831, т. 1, арк. 83–84; спр. 46 872, арк. 204); roll 5 (спр. 57 736, арк. 21, 28); РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1027, л. 132.
- ⁴⁶ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 43 555, арк. 38–41).
- ⁴⁷ *Golczeuski F.* Die Kollaboration in der Ukraine // *Kooperation und Verbrechen*. — S. 155–156.
- ⁴⁸ *Finder G.N., Prusin A.V.* Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Auxiliary Police and the Holocaust // *East European Jewish Affairs*. — 2004. — № 2 (34). — P. 100–103; *Pohl D.* Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. — Munich, 1997. — P. 57–60; *Berkhoff K.C., Саруньук М.* The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // *Harvard Ukrainian Studies*. — 2002. — № 23. — P. 153–154, 171.
- ⁴⁹ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 26693, арк. 9–10, 249–250, 300; спр. 59 861, арк. 15–16, 21, 23–24, 29–33; спр. 66 710, арк. 5–6, 24–25); roll 3 (спр. 56 527, арк. 47); roll 7 (спр. 14 220), frame 3407–3408; інтерв'ю з Верой Рязанской, Лохвица Полтавской области, 2 августа 1999 г. (архив автора).
- ⁵⁰ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 43 555, арк. 2–3; спр. 60 822, 14); roll 2 (спр. 39 651, арк. 185); ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 1, спр. 217, арк. 60; спр. 255, арк. 24; NARA, RG-242, T501, roll 7, frame 000451, 000514; roll 33, frame 000325.
- ⁵¹ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 57 887, арк. 7–8); roll 2 (спр. 23 828, арк. 225–226, 262, 271; спр. 39 144, арк. 6–8); roll 4 (спр. 57 155, арк. 13–18); roll 7 (спр. 3129), frame 3363–3366, 3405 (спр. 19 254, арк. 54); *Golczeuski F.* Organe der deutschen Besatzungsmacht. — S. 173–196; *Dean M.* The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft, and the «Second Wave» of Jewish Killings: German Policing as the Local Level in the Zhitomir Region, 1941–1944 // *German History*. — 1996. — № 2. — P. 178; *Фесенко Т.* Указ. соч. — С. 69, 72; NARA, RG-242, T501, roll 7, frame 000270, 000284; Harvard University Project on the Soviet Social System. — Vol. 10. — Harvard, Massachusetts, 1951–1952. — P. 72.
- ⁵² ДАКО, ф. P-2225, оп. 1, спр. 7, арк. 291; інтерв'ю з бывшими жителями Володарки Вениамином и Федорой Вагун, 4 апреля 1999 г., Милуоки, США.
- ⁵³ SBU-USHMM, roll 7 (спр. 6597), frame 3360; roll 4 (спр. 56559, арк. 61).
- ⁵⁴ NARA, RG-242, T501, roll 7, frame 001256; T175, roll 250, frame 2742703–2742704, 2742706; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 26 693, арк. 62; спр. 59 861, арк. 38); roll 3 (спр. 56 527, арк. 25); ЦДАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 157, т. 2, арк. 95; ДАКО, ф. P-2301, оп. 1, спр. 681, арк. 53; ф. P-2225, оп. 1, спр. 2, арк. 122–123; ф. P-2356, оп. 1, спр. 72, арк. 42–43.
- ⁵⁵ *Ветров І.* Фінансова політика нацистської Німеччини та держав-сателітів на окупованій території України (1939–1944 рр.) // *Архіви окупації*. — С. 777, 779; NARA, RG-242, T501, roll 6, frame 000546; roll 7, frame 001256; T175, roll 250, frame 2742703–2742704, 2742706; SBU-USHMM, roll 3 (спр. 56 527, арк. 25); roll 7 (спр. 19 288, т. 4), frame 4571; ЦДАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 157, т. 2, арк. 95; ДАКО, ф. P-2301, оп. 1, спр. 681, арк. 53; ф. P-2225, оп. 1, спр. 2, арк. 122–123; ф. P-2362, оп. 1, спр. 1, арк. 26; ф. P-2356, оп. 1, спр. 72, арк. 42–43; ф. P-2468, оп. 1, спр. 3, арк. 6; USHMM, 1996.A.0169, roll 1, M-37/113, без номера страницы; RG-22.005M, roll 3 (ф. 69, оп. 1, д. 713, л. 10); ВА-МА, RH 22/5, Bl. 447–448; RH 22/9, Bl. 1–3; RG-31.002M, roll 1 (ф. 3206, оп. 1, спр. 2, арк. 9зв.).

- ⁵⁶ В Умани. Воспоминания Мани Файнгольд, 1944 // Неизвестная черная книга. — С. 189; ДА СБУ, ф. 5, спр. 19 896, т. 1, арк. 110–129; т. 6, арк. 16; спр. 288, арк. 30; спр. 4452, т. 2, арк. 38–49.
- ⁵⁷ SBU-USHMM, roll 2 (спр. 58 111, арк. 5–6, 30); ДА СБУ, ф. 5, спр. 6337, арк. 5–6, 12, 28.
- ⁵⁸ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 66 276, арк. 61); roll 7 (спр. 19 288, т. 2), frame 4011; roll 7 (спр. 19 288, т. 3), frame 3850–3875; roll 7 (спр. 19 288, т. 4), frame 4502–4504, 4520–4554.
- ⁵⁹ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 66 276), frame 0003–0004, 0010–0011.
- ⁶⁰ USHMM, 1996.A.0169, roll 1, M-37/113, без номера страницы.
- ⁶¹ ДА СБУ, ф. 5, спр. 13 815, арк. 17, 25; спр. 61 594, арк. 17, 36, 59, 70; спр. 39 182, арк. 21; спр. 46872, арк. 51; спр. 63 143, арк. 32–34; SBU-USHMM, roll 5 (спр. 57 790, арк. 62).
- ⁶² ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 179, арк. 12; ф. 1, оп. 23, спр. 1062, арк. 49–50; ДА СБУ, ф. 5, спр. 13 815, арк. 17, 25; спр. 39 804, т. 1, арк. 49–53, 67, 114; т. 2, арк. 169, 171, 178.
- ⁶³ *Дзвін* (Біла Церква). — 1941. — № 3. — 18 жовт.; № 5. — 31 жовт.; ДАКО, ф. P-2225, оп. 1, спр. 2, арк. 122; ф. P-2331, оп. 22а, спр. 10, арк. 4–6зв.; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 26 693, арк. 38).
- ⁶⁴ SBU-USHMM, roll 4 (спр. 50 998, арк. 14); Державний архів Запорізької області, ф. 1182, оп. 1, спр. 17, арк. 129. Я благодарен Мартину Дину за этот документ.
- ⁶⁵ BA, fig/431, Bl. 18; BAL, AR 6201749, Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der Dienststelle des KdS Kiew, Bl. 25, 25a–26, 28; AR 6201597 Ermittlungsverfahren gegen die Angehörige der Dienststelle des KdS Kiew, Bl. 5; AR(Z) 5800021, Handakte II, Bl. 2; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 45, арк. 13–15, 17–18, 67–68; спр. 59 861, арк. 65, 68); roll 3 (спр. 9917, арк. 20–21, 24); roll 7 (спр. 19 288, т. 2), frame 3863–3868, 3962; roll 7 (спр. 19 288, т. 3), frame 3928, 4256–7; roll 7 (спр. 19 288, т. 4), frame 4521; ДА СБУ, ф. 5, спр. 9917, арк. 13, 37, 54–56; спр. 44 545, арк. 48–52, 73, 86–88, 131; спр. 39 664, арк. 20; рассказ бывшего жителя Лохвицы Фёдора Лютого автору, апрель 1986, Киев (далее — рассказ Ф. Лютого).
- ⁶⁶ *Dicks H.V.* Licensed Mass Murder: A Socio-Psychological Study of Some SS Killers. — NY, 1972. — P. 260–263.
- ⁶⁷ *Baumeister R.F.* Evil: Inside Human Violence and Cruelty. — NY, 2001. — P. 331.
- ⁶⁸ *Коваль М.* Трагедия Бабьего Яра: история и современность // *Новая и новейшая история*. — 1998. — № 4. — С. 28; телефонное интервью с бывшим жителем Киева Виктором Лунным, Нью-Брунвик, штат Нью-Джерси, 2 сентября 2002 г.; В огне Катастрофы (Шоа) на Украине: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения / Ред.-сост. П. Агмон, Й. Маляр. — Кирьят-Хаим, Израиль, 1998. — С. 193–195, 212–214; Живыми остались только мы: свидетельства и документы / Ред. Б. Забарко. — К., 2000. — С. 134, 141; ДАКО, ф. P-4758, оп. 2, спр. 20, арк. 30–31.
- ⁶⁹ NARA, RG-242, T501, roll 33, frame 000581; T-175, roll 235, frame 2722678; roll 235, frame 2724105; SBU-USHMM, roll 1 (спр. 60 822, арк. 13); roll 3 (спр. 56 527, арк. 53об.); ДАКО, ф. P-2225, оп. 1, спр. 1, арк. 190, 220–284; ф. P-2320, оп. 1, спр. 1, арк. 13, 17, 23; оп. 1, спр. 9, арк. 5–5об.; ф. P-2443, оп. 1, спр. 5, арк. 7; ф. P-4437, оп. 1, спр. 1, арк. 82–84, 89–90, 92; NARA, RG-242, T-501, roll 349, frame 000485–000486.
- ⁷⁰ Рассказ Ф. Лютого.
- ⁷¹ См., напр: *Дерейко І.* Матеріальне заохочення, як метод залучення українців до німецьких збройних сил (1941–1943 рр.) // *Історія України. Маловідомі імена, події, факти*. — Вип. 26. — 2004. — С. 183–203.
- ⁷² *Zarubinsky O.* Collaboration of the Population in Occupied Ukrainian Territory: Some Aspects of the Overall Picture // *The Journal of Slavic Military Studies*. — 1997. — № 2 (10). — P. 149.
- ⁷³ SBU-USHMM, roll 1 (спр. 45, арк. 90–91, 96); roll 3 (спр. 56 527, арк. 60–60зв.).
- ⁷⁴ *Gross J.T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. — Princeton, 2001. — P. 12.